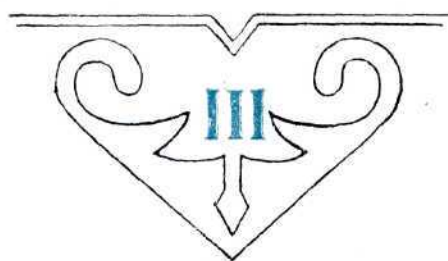

АКАДЕМИЯ НАУК С С С Р
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК
КИРГИЗСКОЙ С С Р

ТРУДЫ
КИРГИЗСКОЙ
АРХЕОЛОГО-
ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ
ЭКСПЕДИЦИИ

Под редакцией
Г. Ф. ДЕБЕЦА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК КИРГИЗСКОЙ
Фрунзе - 1959

Э
В
ПО
ЛЯД-

Л. Р. КЫЗЛАСОВ

(Московский государственный университет им. Ломоносова)

О СВЯЗЯХ КИРГИЗОВ ЕНИСЕЯ И ТЯНЬ-ШАНЯ (К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ КИРГИЗСКОГО НАРОДА)

Проблема происхождения киргизского народа—проблема большой сложности, впрочем, так же как и выяснение вопросов происхождения любого другого народа. Общеизвестно, что для решения ее необходим комплексный анализ данных целого ряда наук, прежде всего, истории, археологии, этнографии, антропологии и лингвистики. Представители всех этих наук принимают активное участие в изучении указанной проблемы, что является залогом успешного ее разрешения в будущем.

Особого внимания заслуживает вопрос о связях киргизов или хакасов с киргизами Тянь-Шаня. В нашей исторической науке существует концепция, которая не только предполагает такие связи, но и утверждает, что между этими народами существует прямая генетическая преемственность, что киргизы Енисея на протяжении почти 2000 лет небольшими группами переселялись на Тянь-Шань, составив, в конечном итоге, основное ядро современных киргизов.

Эта концепция, как известно, принадлежит профессору А. Н. Бернштаму.

Имелись ли в действительности такого рода связи? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, необходимо хотя бы вкратце комплексно рассмотреть ту сумму фактов, которую представляют в распоряжение историков перечисленные выше науки, опираясь на различные источники.

1. Письменные источники

Восточные источники, в первую очередь китайские, упоминают ранних киргизов в транскрипции „гяньгунь“ впервые на рубеже III—II веков до н. э., сообщая о завоеваниях объединителя гуннских племен Модэ-шаньюя. Установлено, что „владение Гяньгунь“ первоначально находилось в Центральной Азии, точнее в Северо-Западной Монголии, в районе современного озера Кыргыз-Нур.

Гуннские нашествия III—I вв. до н. э. на эти земли привели к вытеснению гяньгуней с их древней родины на север в Хакаско-Минусинскую котловину, где они смешались с динлинами и к VI в.

н. э создали государство древних хакасов, о чем сообщает Тан-Шу (История династии Тан).

В дальнейшем, китайские источники называют население этой области „хакас“ или с монгольского времени, — „ки-ли-ки-зе“ (кыргызы) вплоть до XVIII века.

В китайских документах на протяжении всего этого времени мы нигде не находим ни прямых, ни сколько-нибудь доказательных косвенных данных о переселении хакасов или кыргызов на Тянь-Шань, хотя имеются сообщения о насильственных переселениях кыргызов Енисея монголами в Маньчжурию (например, Юаньши сообщает о таком переселении их в область На-янь, произведенном по приказу основателя династии Юань Хубилай-хана). В китайских источниках этого времени вообще нет упоминания о кыргызах на Тянь-Шане и только лишь с помощью пылкого воображения можно пытаться толковать отдельные места китайских исторических сочинений, как содержащие определенные намеки о переселениях кыргызов с Енисея на Тянь-Шань. А между тем китайские войска, путешественники и поселенцы, начиная с первых веков до н. э. и в средневековье, неоднократно бывали на территории Семиречья.

Следующая группа восточных источников — это орхонские памятники древнетюркской письменности — эпитафии, прославляющие деяния каганов и вельмож восточнотюркского каганата VII—VIII вв. Они также сообщают лишь о кыргызах Енисея и не знают кыргызов на Тянь-Шане, хотя восточные тюрки были хорошо осведомлены о делах западнотюркского каганата и неоднократно осуществляли походы в Среднюю Азию. Только о кыргызах Енисея сообщают монгольские летописи („Сокровенное сказание“) и тибетские источники.

Первое упоминание о кыргызах западными авторами относится к VI в. н. э. Византийский историк Менаандр, сообщая о византийском посольстве Земарха Киликийца к тюркскому кагану Дизабулу сообщает, что каган подарил Земарху, в знак благорасположения, „пленницу из народа так называемых хиргизов“. Встреча Земарха и Дизабула произошла близ горы Эктаг, т. е. у хребта Монгольский Алтай, который доньше называется Эктаг-Алтай.

Многочисленные последующие арабо- и персоязычные, а также европейские авторы, такие как ибн-Мукаффа (VIII в.), ибн-Хорладбек (IX в.), Абу-Дулеф (X в.), Гардизи (XI в.), Махмуд Кашгарский (XI в.), Марвази (XII в.), Джувейни (XIII в.), Ауфи (XIII в.), Рубрук (XIII в.), Рашид-эд-Дин (XIV в.), Аноним Искандера (XV в.) и др. пишут о кыргызах Енисея и не знают кыргызов Тянь-Шаня, хотя многие из них жили близко от Семиречья или неоднократно проезжали через эту территорию, во всяком случае, были хорошо осведомлены о делах и людях этой области, так как сообщали о городах Северной Киргизии. Иные авторы, такие как ал-Хорезми (IX в.), Табари (IX—X вв.), Кудама, Макдиси (X в.), Самани, Якут (XII—XIII вв.), ибн-Асир (XIII в.), Карши, Абульфед, Вассаф, ал-Омари (XIV в.), ибн-Арабшах, Самарканди, Джурджани (XV в.) и др. (которые привлекались А. Н. Бернштамом при изучении исторической топографии Чуйской долины) описывают древние города Северной Киргизии, различные военные походы на эту территорию и разнообразные политические события, происходившие здесь, но совсем не упоминают киргизов.

Отдельные места из трудов некоторых западных авторов, которые трактуются иными учеными в качестве свидетельств о пребывании

киргизов на Тянь-Шане в X и XII вв., весьма туманны и спорны и преимущественно отражают лишь известное и по китайским источникам относительно кратковременное расширение границ древнехакасского государства в IX—X вв., когда хакасы (у западных авторов — кыргызы), разгромив каганат уйгуров, занимают территории современной Монгольской Народной Республики, Туву и Алтай.

В. А. Ромодин в своем докладе цитировал уже два источника такого рода, а именно: анонимное сочинение „Худуд Ал-Алем“ (X в.) и труд Бекрана (нач. XIII в.). В. А. Ромодин совершенно прав, когда призывает к осторожности в отношении к этим источникам и когда, в заключение, он указал, что эти документы „дают еще повод для сомнений.“ В отношении туманности и спорности одного из этих источников — безымянной рукописи X в. „Худуд Ал-Алем“ высказывался академик В. В. Бартольд, прекрасно знавший это сочинение, однако отказавшийся от его перевода, ввиду специфических трудностей текста. В. В. Бартольд указывал, что „известия рукописи Туманского о границах между среднеазиатскими народами не вполне отчетливы“, что „в этом тексте киргизы являются гораздо более диким народом, чем в Тан-Шу; китайские сведения в этом случае, по-видимому, более достоверны“ и „из всего этого можно заключить, что киргизы в эпоху своего великодержавия несколько расширили свои владения в сторону юга-запада“, но „после утраты своего кратковременного могущества киргизы в течение более пяти веков упоминаются только на своей первоначальной родине — Енисее, к северу от Саянского хребта“¹. Как видим, подходу осторожно, академик Бартольд не делал на основе этого источника тех далеко идущих выводов о переселении киргизов с Енисея на Тянь-Шань, как это делают некоторые современные авторы. Не сделал этих выводов и переводчик „Худуд Ал-Алем“. В. Ф. Минорский. Такие выводы и сделать нельзя, если подходить к этому источнику не предвзято, так как автор „Худуд-Ал-Алема“ ничего не сообщает о таком переселении. Везде в контексте этого сочинения речь идет лишь о кыргызах Енисея (см. особенно „Слово об области кыргызов“) и только в *одном месте* говорится, что к западу от тухси „группа кыргыз“. Последнее сказано мельком и никаких разъяснений не приведено.

Поскольку все остальные многочисленные и в большинстве своем хорошо осведомленные авторы ничего подобного не сообщают, и далеко не ясна степень достоверности мимоходом сделанного замечания автора „Худуд Ал-Алема“, неизвестно на каких источниках основанного, постольку следует вслед за В. В. Бартольдом, считать, что здесь мы имеем дело только лишь с отражением кратковременного распространения енисейских кыргызов на юго-запад и скорого возвращения их обратно на Енисей.

Географическая локализация киргизов по сочинению Бекрана (XIII в.) не поддается достоверному определению. Бекран говорит о громадной „горе“ (хребте), которая тянется от Афганистана на север, и далее указывает, что у горы пустыня от Усрушаны до „киргизов“. Последнее сказано, очевидно, для того, чтобы подчеркнуть величину этой пустыни, растянувшейся вдоль огромной горы, название которой, по собственному признанию, Бекран „не слышал“, хотя он сам был среднеазиатцем. Очевидно, что и здесь речь идет об

¹ В. В. Бартольд. Киргизы, Фрунзе, 1927, стр. 20—21 и 27.

енисейских киргизах в IX—X вв., владевших Алтаем. Громадная „гора“, тянувшаяся на север, по-видимому, горные хребты (Джунгарский Ала-Тоо, Тарбагатай и др.), идущие целью от Тянь-Шаня до Алтая, а „пустыня“—пустынные пространства Казахстана, простирающиеся вдоль этих хребтов.

Таким образом, ясно видно, что последняя группа западных источников принадлежит далеко не самым осведомленным о киргизах авторам и настолько малочисленна, что буквально тонет в общем потоке сведений громадного большинства западных авторов, сообщавших лишь о киргизах на Енисее, начиная с VI до XIV в. (Рашид-ад-Дин) и даже до XVII в. (Абульгази). И только лишь Мирза Хайдер, моголистанский автор середины XVI в., впервые сообщает в своем труде „Тарихи Рашиди“ о киргизах Тянь-Шаня, описывая события 1503—1504 гг. Однако ни Хайдер и никто другой не говорят о том, что тянь-шаньские киргизы являются переселенцами с Енисея, как впрочем, к сожалению, вообще не говорится о том, откуда они пришли на Тянь-Шань.

Таким образом, письменные источники как западные, так и восточные, нигде не содержат никаких свидетельств о переселении киргизов Енисея на Тянь-Шань, что нельзя признать случайным обстоятельством, которым мог бы пренебречь историк Киргизии.

2. Археологические источники

Но может быть, все-таки, что мнение о генетической связи енисейских киргизов с киргизами Тянь-Шаня, каким-то образом не отраженной в письменных источниках, находит себе обоснование в археологических материалах? Приходится и на этот вопрос отвечать отрицательно.

Материал, полученный в результате работ археологических отрядов Киргизской комплексной археолого-этнографической экспедиции 1953—1955 гг., а также результаты многолетних исследований памятников Хакасско-Минусинской котловины не содержат никаких данных, которые позволили бы констатировать факт переселения киргизов Енисея на Тянь-Шань. Таких данных не выявлено и предшествующими археологическими раскопками в Семиречье во всех памятниках, начиная с первых веков до нашей эры.

Действительные археологические факты, которые свидетельствуют о связях Тянь-Шаня с Центральной Азией (территория МНР и Тува) и Алтаем в VI—VIII вв., т. е. в период существования тюркских каганатов (западного—в Семиречье и Казахстане и восточного—на территориях Алтая, Тувы и МНР) доказывают лишь проникновение на Тянь-Шань алтайских тюрок (VI в.), тюркшей и карлуков (VIII в.), а также взаимосвязь западного и восточного каганатов. Свидетельством таких связей является, например, глиняный кувшин (типичный по форме и технике изготовления для слоев VII—VIII вв. в городищах Чуйской долины), который был найден нами в 1955 г. в древнетюркском поминальном сооружении типа „могил“ тюркских каганов на р. Орхон.

Памятник этот расположен на юго-восточной границе Тувы, т. е. географически в северо-западной Монголии. Он без сомнения принадлежит знати восточных тюрок, а не киргизам Енисея и, следовательно, не может быть использован для доказательства связей послед-

них с населением Тянь-Шаня, как это делает в своем докладе А. Н. Бернштам.

Тюркское проникновение на территорию Киргизии в VI—VIII вв. четко отражено в появлении здесь несвойственного прежнему населению алтайского обряда погребения человека с конем в яме под круглым каменным курганом, причем такие погребения сопровождаются типичным для алтайских тюрков инвентарем: предметами конского снаряжения, наборными поясами, сложными луками с костяными накладками и стрелами в берестяных колчанах. Все эти предметы имеют специфические для древних тюрков формы. Такие погребения с конем, появившиеся раньше всего на Алтае, в VI—VIII вв. обнаруживаются в Туве, Монголии и Семиречье, свидетельствуя о широкой экспансии алтайских тюрков в начале VI в., что полностью соответствует сообщениям письменных источников о создании тюркских каганатов на этих территориях. О том же говорит и сходство тамгообразных знаков писаниц Центральной Азии и Тянь-Шаня, относящихся к VI—VIII векам. Но все это не имеет отношения к территории Хакасско-Минусинской котловины и ничем не помогает выяснению вопроса о связях киргизов Енисея и Тянь-Шаня в этот период времени.

Если бы было передвижение киргизов с Енисея на Тянь-Шань в VI—X вв. (или ранее), то оно фиксировалось бы, прежде всего, погребениями по обряду трупосожжения (столь характерному для гянгуней—киргизов с древнейших времен), которые сопровождались бы характерными для киргизов Енисея вещами.

Таких погребений на Тянь-Шане нет.

3. Антропологические данные

История антропологических типов Тянь-Шаня уже подробно изложена в докладе Г. Ф. Дебеца, Н. Н. Миклашевской и в выступлении В. В. Гинзбурга.

Все они не сочли возможным решать на своих материалах вопрос об антропологических связях современных киргизов с древними киргизами Енисея.

Между тем, в первом томе трудов Киргизской экспедиции опубликована статья В. П. Алексева, в которой предпринята попытка сопоставления краниологических материалов по современным киргизам и хакасам, а также по черепам из погребений в Хакасско-Минусинской котловине, датируемых им VI—XII вв. В. П. Алексеев делает весьма ответственный вывод: „Современные киргизы краниологически обнаруживают близкое морфологическое сходство с „енисейскими киргизами“, что позволяет утвердительно ответить на вопрос об их генетическом родстве¹, правда, указывая, что этот вывод еще надо проверить. Как бы то ни было, следует предупредить, что этот поспешный вывод не может быть использован в исторических исследованиях в качестве установленного антропологией факта, так как, к сожалению, автор изучил свои материалы без исторического подхода, необходимого в такого рода работах.

1) Серия древних черепов, некогда широко датированная Г. П. Сосновским, VI—XIII вв., при учете современных материалов, получает иную хронологию. Около половины погребений этой небольшой серии не имеет данных для датировки и, вероятно, относится (по этнографическим признакам) к XVI—XVIII вв. Датирующиеся черепа распадаются на две хронологические группы: VIII—X и XII—XIV вв.

¹ Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции, т. 1, М., 1956, стр. 115.

2) Черепа последних групп являются не киргизскими, а принадлежат к иноплеменным немногочисленным элементам: а) попавшим в Хакасско-Минусинскую котловину в результате того, что в конце VIII и в IX в. в древнехакасское государство были включены новые территории (Алтай, Тува и часть Монголии); б) проникшим сюда в XII—XIV вв.

3) Что касается нескольких черепов VIII—X вв., то они происходят из погребений с конем, которые являются не киргизскими, а алтайскими. Тюрки попадали на средний Енисей в результате вхождения Алтая и Тувы в этот период времени в древнехакасское государство и хоронили здесь своих умерших по старому алтайскому обычаю.

Следовательно, действительное сходство этой группы черепов с современными киргизскими являются сходством последних с древними алтайскими и центральноазиатскими тюрками. Между прочим, как показали палеоантропологические исследования Г. Ф. Дебеца¹, алтайские тюрки (из погребений VI—X вв. на самом Алтае) действительно имеют тот же тип, что и современные киргизы. Непонятно, почему В. П. Алексеев, используя черепа с Енисея, оставил в стороне серию черепов горного Алтая.

4) В. П. Алексеев совершенно не принимает во внимание, что киргизы Енисея, по данным как западных (аноним „Худуд Ал-Алем“, Гардизи и Марвази)², так и восточных (Тан-Шу)³ авторов, имели только один погребальный обряд—трупосожжение.

Он также не упоминал тот факт, что эти сообщения независимых друг от друга письменных источников нашли археологическое подтверждение в многочисленных раскопанных погребениях енисейских киргизов VI—XI вв., совершенных по обряду трупосожжения, который был единственным здесь и ранее, во II—V вв. Кроме этих памятников Хакасско-Минусинской котловины погребения киргизов по обряду трупосожжения, с типичным инвентарем IX—XI вв., открыты ныне в разных местах Тувинской автономной области.

5) Енисейские киргизы или хакасы VI—XII вв., антропологический тип которых не может быть, к сожалению, установлен антропологами из-за господствовавшего у них обряда трупосожжения (не сжигали только детей), имеют, однако, описание в исторических сочинениях того времени, что также не учел В. П. Алексеев. И западные авторы (ибн-Мукаффа—VIII в., а за ним Гардизи—XI в. и др.)⁴ и восточные (Тан-Шу и тибетские хроники)⁵ описывают их, как людей, в основ-

¹ Палеоантропология СССР, М., 1948, стр. 211.

² В «Худуд Ал-Алем» сказано: «Они почитают огонь и сжигают мертвых»; Гардизи в «Украшении известий» писал: «Киргизы, подобно индусам, сжигают мертвых и говорят: «Огонь—самая чистая вещь; все, что попадает в огонь, очищается; так и мертвого огонь очищает от грязи и грехов». Тахир Марвази в своем труде «О Китае, тюрках и Индии» сообщает, что киргизы «имеют обычай сжигать мертвых, утверждая, что огонь их очищает» и добавляет, что «это есть их древний обычай».

³ Тан-Шу о похоронах хакасов VI—X вв. сообщает следующее: «обвертывают тело покойника в три ряда и плачут, а потом сжигают его, собранные же кости через год потребуют».

⁴ Гардизи, пытаясь объяснить столь «необыкновенный» облик киргизов Енисея, приводит даже целую легенду об их славянском (!) происхождении и заключает: «Признаки славянского происхождения (еще) заметны в наружности киргизов, именно красные волосы и белая кожа».

⁵ Тан-Шу: «Жители вообще рыжие, с рыжими волосами, с румяным лицом и голубыми глазами».

ном, с белой кожей, голубыми глазами и рыжими волосами, что естественно, не соответствует физическому облику современных киргизов Тянь-Шаня.

б) Автор, имея в своем распоряжении краниологические материалы лишь по южным хакасам (сагайцы, бельтыры и верхне-абаканские шорцы), делает, однако, неправомерные выводы, используя их тип, как современных хакасов вообще. Между тем, по данным А. И. Ярхо¹, в составе хакасов имеется два различных типа: уральский (южные хакасы) и южносибирский (качинцы). Без учета последнего обстоятельства говорить об антропологическом типе хакасов невозможно.

Следует указать и еще один недостаток статьи В. П. Алексеева. Все краниологическое изучение современных киргизов и соответствующие ответственные выводы основаны им лишь на шести киргизских черепах, добытых мною в 1953 году на старом кладбище в кишлаке Ак-Бешим у г. Токмак. Между тем, Г. Ф. Дебеч в том же I томе „Трудов Киргизской археолого-этнографической экспедиции“ говорит об этих черепах, что они „не могут быть с уверенностью использованы для сопоставлений вследствие совершенно недостаточной их численности“ (стр. 14) и действительно не использует их. В связи с изложенным, можно заключить, что выводы, сделанные В. П. Алексеевым в статье, к сожалению, не могут приниматься во внимание историками при изучении этногенеза как киргизского, так и хакасского народов.

Таким образом, антропологические материалы также не дают оснований для установления генетических связей киргизов Енисея и киргизов Тянь-Шаня.

4. Лингвистические и этнографические данные

Доклады, сделанные на настоящей сессии И. А. Батмановым, С. М. Абрамзоном и Е. И. Маховой, свидетельствуют о том, что лингвистические и этнографические материалы не отражают связей киргизов Енисея с современными киргизами.

Следует отметить, что тюркологи, как это особенно убедительно было раскрыто в докладе академика И. А. Батманова и отражено в новейших классификациях тюркских языков (С. Е. Малов и Н. А. Баскаков), устанавливают наибольшую близость киргизского языка с горно-алтайским, их происхождение из одной ветви тюркских языков. Оба эти языка С. Е. Малов относит к группе новейших тюркских языков, в то время как хакасский язык включен им в группу древних тюркских языков, наряду с языком древнетюркской рунической письменности VI—X вв.

Таким образом, если хакасский язык имеет такую древность, т. е. если его образование относится к VI—X вв., то он в какой-то мере должен отражать состояние языка киргизов Енисея того же периода и, следовательно, в этом можно видеть важное свидетельство отсутствия генетических связей в языке киргизов Енисея и современных киргизов.

Рассмотренные нами данные различных наук позволяют сделать

¹ Тибетские хроники: «Они имели голубые глаза и рыжие волосы, были безобразны по виду (с точки зрения тибетцев—Л. К.)» А. И. Ярхо. Алтае-Саянские тюрки, Абакан, 1947 г.

вывод о том, что в настоящее время утверждать наличие непосредственных генетических связей енисейских киргизов с киргизами Тянь-Шаня невозможно. Для этого нет фактов.

* * *

Что же можно сказать в настоящее время о происхождении киргизского народа?

Первые упоминания о киргизах Тянь-Шаня относятся к началу XVI в. (Тарихи Рашиди), причем в это время киргизы оставались язычниками и еще не приняли мусульманства, хотя оно на территории современной Киргизии процветало уже со времени караханидов (X—XII вв.) и особенно ревниво насаждалось моголистанскими ханами в XIV—XV вв. Сопоставляя факты, полученные при изучении письменных источников, академик В. В. Бартольд считал маловероятным, что киргизы были уже на Тянь-Шане „в эпоху принятия ислама среднеазиатскими монголами“. По его мнению, киргизы, пришли с востока на Тянь-Шань вместе с калмыками в середине XV века, далее он полагает, „что эти киргизы после ухода калмыков остались на западе, в Тянь-Шане, хотя и об этом в источниках ничего не говорится“¹.

Но иного вывода из письменных источников сделать нельзя, так как киргизы упоминаются в событиях 1503—1504 гг. уже как жители Семиречья.

О позднем приходе киргизов из Центральной Азии на Тянь-Шань красноречиво свидетельствуют и данные антропологии (Г. Ф. Дебец, Н. Н. Миклашевская). Соматологическое изучение современных киргизов показало, что они наиболее монголоидны из всех народов Средней Азии и даже монголоиднее казахов. Это является свидетельством того, что киргизы вышли из Центральной Азии в очень позднее время, тем более, что все известные краниологические серии, происходящие с территории Киргизии и датируемые по XIII—XIV вв. включительно (в горах—до XII в., а в Чуйской долине до XIV—неисторические кладбища XIII—XIV вв.), представляют иные типы европейского и смешанного населения, генетически не связанные с типом современных киргизов. „Еще в начале второго тысячелетия н. э. в Чуйской долине жили люди, похожие на современных таджиков“ (Г. Ф. Дебец).

Таким образом, антропологические заключения о времени прихода киргизов из Центральной Азии не только не противоречат выводу В. В. Бартольда, сделанному на основании анализа письменных источников, но и существенно дополняют его.

Центральноазиатское происхождение киргизов и их позднее появление на Тянь-Шане подтверждается также фактами лингвистической и этнографической наук.

Член-корреспондент Академии наук СССР С. Е. Малов считает, что тюркоязычное население озера Лобнор, обследованное им в 1914 году, говорит на древнекиргизском языке (так же как, вероятно, и хотоны в Северо-Западной Монголии), что лобнорцы являются остатком основной массы киргизов, ушедшей на запад, на Тянь-Шань, очевидно сравнительно недавно, так как еще не произошло существенного расхождения в языках лобнорцев и киргизов.

¹ В. В. Бартольд. Киргизы, Фрунзе, 1927, стр. 36.

Яркие и убедительные факты о центральноазиатском происхождении киргизов привел в своем содержательном докладе С. М. Абрамзон. Раскрывая в исторической последовательности пути сложения этнического состава киргизского народа, С. М. Абрамзон, на наш взгляд, доказал, что основное и древнейшее ядро современных киргизов составляют не пришедшие с Енисея кыргызы, а алтайские тюрки (уже в VI в. вышедшие на просторы Центральной Азии) и другие центральноазиатские тюркоязычные (уйгуры и др.) и монголоязычные этнические группы, исторически известные нам с периода VI—XIV вв.

И только в XV—XVIII вв. к этому ядру добавились среднеазиатские этнические группы (ногайско-казахские и таджикские).

Хронологические рамки, даваемые С. М. Абрамзоном, на наш взгляд, также отражают позднее (XV в.) соприкосновение центральноазиатского компонента в составе киргизов со среднеазиатским, т. е. этнографические данные совпадают с данными лингвистическими, антропологическими и историческими относительно прихода основной массы киргизского народа на Тянь-Шань из Центральной Азии в середине II тысячелетия нашей эры.

Как видим, комплекс данных всех этих наук делает вполне обоснованным приведенное выше заключение академика Бартольда, основанное на письменных источниках.

Однако возникают вопросы: когда, как и где в Центральной Азии сложилось основное ядро киргизов, на которые в настоящее время ответить невозможно. Чтобы воссоздать древнюю историю киргизского народа, необходимо перенести наши антропологические, этнографические и, в первую очередь, археологические исследования в Центральную Азию (важнейшие районы для разрешения нашей проблемы—Северо-Западная Монголия и Синьцзян).

Кроме того, сейчас настало время специалистам внимательно изучать китайские и тибетские источники. В них сообщается о многих древних народах Центральной Азии, причем значительную часть из них еще не удалось связать в историческом плане с ныне известными народами и этническими группами, вошедшими в состав тех или иных современных народов.

С. М. Абрамзон говорил в своем докладе о значительных тибетских связях, прослеживающихся у киргизов.

Я позволю себе напомнить о мнении, высказанном немецким синологом XIX в. В. Шоттом по поводу происхождения тянь-шаньских киргизов. Работа Шотта почему-то забыта, хотя она посвящена непосредственно киргизам и называется: „Об истинных киргизах“¹.

Шотт указывает, что современные китайцы, как и калмыки, называют киргизов Тянь-Шаня „бу-лу-те“, т. е. буруты, в то время как казахов они называют правильно „ха-за-ки“. И в древности китайцы называли киргизов также. Шотт обращает внимание на сообщения Тан-Шу о „бо-лю“ или „бу-лу“, которые распадались на два народа „большой“ и „малый“. Жили они в Малом Тибете. Впервые „бо-лю“ стали известны Танам в 696 г. Они были подданными тибетцев. Посылали посольства в Китай в 713—714 гг. Шотт предполагает, что это и есть ранние киргизы в Центральной Азии. Конечно, необходимо специ-

¹ (W. Schott, Über die ächten Kirgisen. Abhandlungen der königlichen Akademie der Wissenschaften zu Berlin, 1865, стр. 429—474).

ально исследовать эти и другие тексты китайских и тибетских исторических хроник для того, чтобы установить истину. Бесспорно, что киргизы Тянь-Шаня, как это показал С. М. Абрамзон, сложились как современная народность уже в XVI—XVIII вв. после того, как пришлый центральноазиатский компонент включил в свой состав местные среднеазиатские этнические элементы и обогатился многими культурными формами.

Однако бесспорно и то, что сам центральноазиатский компонент явился результатом различных этнических слагаемых, происхождение каждого из которых относится нередко к весьма отдаленному прошлому, причем предстоит еще определить и время включения тех или иных этнических групп в общий процесс сложения киргизского народа.

Предстоит выявить также время и пути появления у тюркоязычного центральноазиатского компонента этнонима „киргиз“, что, впрочем, свободно могло произойти без участия древних киргизов в сложении этнического состава современного киргизского народа, так как известны многочисленные случаи заимствования или навязывания другого имени народам совершенно разного этнического происхождения.

Скорее всего это могло произойти еще в IX—X вв., когда енисейские киргизы оказались на сравнительно короткий период времени хозяевами Центральной Азии. В этот период в составе их государства, естественно, оказались тюркоязычные племена, проживающие в Центральной Азии до 840 г., т. е. прежде входившие в состав разгромленного каганата уйгуров (745—840 гг.). Это были не только оставшиеся здесь частично уйгуры, но также в основной своей массе потомки племен восточно-тюркского каганата, в котором главенствующую роль играли вышедшие с Алтая тюрки.

После того, как в начале X века енисейские киргизы, под давлением новых завоевателей Центральной Азии—монголоязычных киданей, вернулись на родину по северную сторону Саянского хребта и в Туву, оставшиеся на своей родине, в Центральной Азии, тюркоязычные племена (или какая-то часть их) могли получить от киданей (или других соседних племен) наименование киргизов, как остатки населения киргизского государства IX—X вв., но при этом сами они сохранили свои старые родовые тюркские названия. Общее наименование „киргиз“ скоро могло стать и самоназванием, так как этим тюркоязычным племенам необходимо было отделять себя от монголоязычных киданей и уйгуров Восточного Туркестана, между которыми им пришлось проживать. Это имя они и принесли на Тянь-Шань, переселившись сюда между 1420 и 1470 годами при вторжениях калмыков в Моголистан.

Обсуждая эту гипотезу, следует иметь в виду, что киргизское владычество IX—X вв. было последним периодом господства тюркоязычных народов над просторами Центральной Азии, и киргизы надолго запомнились монголоязычным народам, ставшим постоянными хозяевами этих земель со времени киданей. Общеизвестно, что до сих пор монголы все древние курганы считают киргизскими и называют их киргизскими могилами (хиргис-ур). Поэтому ничего удивительного нет в том, что в X—XII веках центральноазиатским тюркам привился этноним „киргиз“, несмотря на то, что происхождение их и енисейских киргизов было различным.